

настыря, в котором разного рода расходы (на кормовые поминания своих вкладчиков или выдача одежды и обуви) фиксировалась в отдельных книгах в XVII в., хотя сам термин – *книги выдаточные* – в Прилуках не употреблялся [1, кн. 1395; 3, с. 344–435].

До попадания в фонд Спасо-Прилуцкого монастыря данный источник находился в собрании известных вологодских краеведов Н.И. и И.Н. Суворовых и содержит множество карандашных пометок. К их числу относится и общая хронология книги, указанная на л. 62 – 1647–1661 гг. На полях видны подсчеты количества выдаваемых из архиерейской казны икон за год, имеются и некоторые другие ремарки относительно упоминаемых в книге лиц и предметов. Аналогичные наблюдения нами были сделаны по рукописи описной книги Спасо-Каменного монастыря 1670 г., также побывавшей в руках Суворовых [8, с. 15–16].

Ценность кн. 37 как исторического источника заключается в отражении ею предельно широких социальных связей Вологодского архиепископа Маркела. К нему приходили за благословением слуги и мастеровые люди кафедр, посадские люди Вологды и других городов, торговые крестьяне архиерейских и дворцовых сел, гости и члены гостиной сотни, направлявшиеся обычно в Архангельск для выполнения казенных служб, некоторые торговые иноземцы, послы в иностранные государства (Венгрию, Венецию, Голландию, Флоренцию), воеводы и дьяки, получившие назначения в Тотьму, Устюг, Сольвычегодск, Холмогоры, Яренск, Кевролу, наконец, духовные лица различного ранга. Подобные сведения важны для всякого рода биографических, хронологических построений и уточнений казенных служб русского купечества, вступления в должность приказных лиц в уездных городах, замещения церковных должностей, паломнических поездок из центра России в северные монастыри и даже международных связей России со странами Европы.

Архиерейское благословение сопровождалось преподнесением Богородичных икон разного размера и украшения. Например: «Дьяк Семен Дохтуров как приехал с Москвы на Вологду на дьячество на Савино место Зверева, приходил к государю архиепископу благословиться, и государь архиепископ благословил ему образ Пречистые Богородицы меньшого окладу» [1, кн. 37, л. 63]. В кн. 37 указываются оклады басменные, трубные, меньшие, средние и большие, канфаренные; образы-пядницы, на золоте и на красках, с резными у них венцами и подписями. Эта информация важна при изучении архиерейского дома как центра художественной культуры, поскольку в нем было организовано массовое изготовление икон. Вместе с тем архиерейская кафедра имела налаженные связи с артелями иконописцев в Вологде с их рыночным сбытом в Иконном ряду на городском торге. Укажем в этой связи на статью Е.Б. Францусовой, в которой специально рассмотрен вопрос о роли архиепископа Маркела в развитии иконописного дела в Вологде [12, с. 30–46].

Среди паломников, едущих в Соловки и другие северные монастыри – Кирилло-Белозерский, Спасо-Каменный, Антоньев Сийский, Крестный на Кий-острове Онежской губы – названы окольныхчий

кн. П.В. Волконский, бояре И.В. Морозов, Н.И. Одоевский и В.И. Шереметев, донские казаки, архимандрит Савво-Сторожевского монастыря Никанор. Имеется запись о поездке 28 марта 1652 г. новгородского митрополита Никона (а с 25 июля того же года уже патриарха) в Соловки за мощами погибшего в опричнину митрополита Филиппа Колычева [1, кн. 37, л. 82 об.]. Помимо Никона отмечены визиты к Маркелу и другой «знаковой фигуры» эпохи церковных реформ и раскола – протопопа Казанского собора в Москве Ивана Неронова – 18 января и 24 мая 1652 г. [1, кн. 37, л. 84 об., 88 об.]. Приводятся сведения о начале строительства при Никоне патриаршего Крестного монастыря в августе–октябре 1656 г., о «кадровом» составе первоначальной патриаршей администрации [1, кн. 37, л. 98 об., 99 об.–100, 107 об.]. Постоянными были контакты архиепископа Маркела с соловецкими старцами вологодской службы (соляного двора) и с приезжавшими из Соловков на Вологду монахами знаменитой островной обители [1, кн. 37, л. 76 об.–78, 90, 101 об.].

Расширяются биографические сведения о втором по значимости после Маркела человеке архиерейского дома, приказном Василии Григорьевиче Данилове-Домнине, который 17 лет возглавлял его администрацию. Столь высокое назначение он получил по царскому указу в мае 1653 г. на место умершего кн. Григория Дябринского [6, с. 19]. Годом же ранее, 30 сентября 1652 г., он, «женясь, приходил к владыке благословиться, и государь архиепископ благословил ему образ Пречистые Богородицы меньшого окладу». Далее словно приоткрывается картина свадьбы: «...А у него, Василья, в тысечках был Борис Брянченинов да Матвей Домнин, да с ним приходили к государю архиепископу», каждый от владыки получил по иконе [1, кн. 37, л. 85 об.]. Из опубликованных Г.П. Ениным раздаточных книг наследства В.Г. Данилова-Домнина (умер в августе 1671 г.) известно, что жену его звали Евдокия (Авдотья) Гаврилова дочь, а Матвей являлся его племянником [6, с. 55–56, 59–62].

К числу важных сведений о составе архиерейской администрации следует отнести указание на десятильника весьма отдаленной от Вологды, но входившей в состав ее епархии, Соли Камской Ивана Гаврилова. С ним Маркел передал для соликамского воеводы А.К. Кологривова «образ Умиления окладной» [1, кн. 37, л. 101]. Аналогично можно видеть в том, как архиерейского сына боярского Акинфия Горяинова в июле 1659 г. послали в Вилегодскую волость Сольвычегодского уезда собирать государственные налоги, передав с ним тамошнему воеводе Б. Бешенцеву икону Богородицы Умиления [1, кн. 37, л. 111 об.].

Визиты к владыке совершались и приезжавшими на Вологду или Устюг с различными правительственными заданиями представителями московских приказов – «корел ссыкивать» или «для сказок, сколько где померло людей» (здесь имеются в виду демографические потери от морового поветрия 1654/55 г.) [1, кн. 37, л. 80, 83 об., 92 об.]. Помимо сыскных мероприятий относительно крестьянского бегства, пребывание в Вологде и уезде приказных чинов высокого ранга и архимандритов некоторых московских мона-

стырей было связано с повышенным налогообложением архиерейских вотчин на начальном этапе русско-польской войны 1654–1656 гг. – «для сказки, сколко в софейских домовых житницах хлеба», «для высылки из монастырей отписного половинного запаса» [1, кн. 37, л. 92, 95 об.]. О связях с Сибирью свидетельствуют записи в кн. 37 про направлявшихся из Сибири в Москву и обратно светских и церковных лицах – воеводы кн. А. Кропоткина, московского жильца С. Тургенева, дьяков С. Румянцева и Г. Головкина, архиепископа Тобольского Симеона. Последний посетил архиерейскую службу в Софийском соборе [1, кн. 37, л. 83 об., 86 об., 91, 110 об.].

Несомненный историко-культурный интерес представляет запись от мая 1656 г. о проезде через Вологду посланника из «Виницейской земли» (Венеции. – *М.Ч.*) с дьяком А. Постниковым и двумя дворянами, «что везли к Москве Николы Чюдотворца миро» [1, кн. 37, л. 105]. К сентябрю 1657 г. относится запись о проезде из Архангельска через Вологду по пути в Москву новокрещеного иноземца, «гостина сына» Андрея Андреева. Полагаем, это А.А. Виниус, сын осевшего в Москве голландского купца А.Д. Виниуса [1, кн. 37, л. 106 об.]. Русское подданство последний принял в марте 1648 г., а переход его семьи в православие произошел позднее. С.П. Орленко со ссылкой на челобитную Андрея Виниуса-младшего пишет, что крестил его в 1652 г. сам патриарх Никон [7, с. 138, 287].

К архиепископу Маркелу приходили разные люди вскоре после женитьбы, по случаю появления в их семьях новорожденных младенцев («о здоровье», на день своего ангела либо своих детей и внуков «с ымяннинным пирогом»). Поднесение владыке пирога и ответное получение от него благословения и иконы невольно напоминает весьма архаичную в основе своей практику дара-отдара, характерную для традиционных обществ с их взаимообразностью социокультурных коммуникаций, натуральным обменом услуг, или, как говорится в зарубежной историографии, «generalized exchange» [4, с. 38, 45].

В записи от августа 1658 г. говорится, что вологодский воевода А.П. Еропкин и его племянник М.И. Еропкин на Успенъев день «ели хлеба» у владыки, после чего получили от него по иконе [1, кн. 37, л. 108 об.]. Подобная практика отражала несомненные, хотя и в пережиточном виде, элементы праздничного кормления местным обществом административного аппарата – светского и церковного. Феномен кормления в церковной сфере был рассмотрен Г.П. Ениным, убедительно показавшим его системный характер [5, с. 121–128]. Типологически он не был отличен от светской практики. Прямые «высказывания» на этот счет находим в расходных книгах Спасо-Прилуцкого монастыря: «...купили к Велику дню на розвоз приказным бояром и подьячьем перепеч <пасхальных куличей> и боранов и зайцов – всего на 62 алт.»; «розвозили корм бояром на Петров день»; «купили калачей на 1 алт., несли на дорогу Никите Ивановичу Тороканову; перепечу и зайца несли на Рожество Христово приказному человеку» [1, кн. 3, л. 73, 76; кн. 6, л. 58 об., 65 об., 90 об.–91; кн. 7, л. 23 об., 40; кн. 9, л. 55 об., 65 об.; кн. 64, л. 66 об.–68]. Для ведущего масштабное

производство соли Спасо-Прилуцкого монастыря удобнее было именно ее преподносить «в почесть» воеводам и дьякам, лицам церковной администрации в Холмогорах, Устюге и Вологде [1, кн. 69, л. 44–48; кн. 76, л. 48 об.–49; кн. 86, л. 36 об.–37]. Характерны совпадающие с порядками наместничьего и воеводского кормления моменты получения даров, будь то икона, именинный пирог, перепеча, мех с солью вместимостью 35–37 пудов – на приезд и отъезд должностных лиц, на дни ангела, на крупные церковные праздники, значимые события в царской семье, становящиеся известными во всем государстве [4, с. 39–67; 14, с. 114].

Но корректно ли икону как нечто возвышенное ставить в один ряд с предназначенными для поедания кормами либо их денежными эквивалентами? Постаемся чуть ниже разрешить это сомнение.

Среди «ходовков» к Маркелу были не только родственники (сыновья, племянники) приказных людей, но и так называемые «держальники» – вологодского воеводы Л.С. Милославского (1651 г.) и устюжского воеводы М.Ф. Ртищева (1658 г.) [1, кн. 37, л. 80, 114 об.]. О *держальниках-хлебожцях* П.В. Седов пишет, что это были свободные обедневшие дворяне, которых «держали», кормили, предоставляли кров, защиту в боярских дворах для выполнения разной службы. Как польские пань имели свиту из безземельной шляхты, так и русские бояре набирали держальников из дворян. Последние, благодаря влиятельности своих патронов, могли получить выгодные государственные должности. Так боярское покровительство способствовало социальному возвышению мелких послужильцев-держальников [11, с. 102–103]. Регулярные подношения «воеводским племянником и держальником» икон и денег «в почесть» делали старцы Павло-Обнорского монастыря, нередко во время праздничного воеводского застолья, куда приглашался обнорский «отец-архимандрит» [14, с. 113, 116, 122]. В его приходе-расходной книге 1694 г. *подносные иконы* отмечены в одном ряду с подносными же баранами, рыбами, калачами, пирогами, медом, алтынами, органически вплетены в продуктовые и денежные компоненты системы кормлений. И сакральный предмет (икона), и еда, и деньги – все в равной мере было включено в «кормленный оборот».

К вологодскому владыке приезжали также разные посланники из Москвы с богомольными грамотами по случаю рождения царевен в семье Алексея Михайловича – Евдокии, Анны, Софьи, Екатерины [1, кн. 37, л. 74 об., 94 об.]. Фиксируются и поездки самого Маркела в Усть-Вымь «пермским чудотворцом помолитися» и в Москву. Они всегда сопровождалась выдачей из архиерейской казны большого количества икон Богоматери Умиления и Успения, Софии Премудрости Слова Божия для поднесения государю и приказным людям «в почесть», а также «на домовую московской росход». Их частичная реализация на рынке помогала бюджету кафедры справиться с немалыми расходами в столице. Такая же практика известна и по другим монастырям – Тихвину Успенскому, Павло-Обнорскому [11, с. 102; 14, с. 113].

Иконы были необходимы также для украшения церкви Стефана Пермского на архиерейском подворье

в Москве [1, кн. 37, л. 81 об.–82, 91, 112 об.]. Даже если владыка и не ехал сам в Москву, все равно на Пасху и Успение Богородицы туда с оказией посылались множество икон и «святая успенская вода к государьской подноске». В 1653 г. иконы и вода были отправлены с сыном боярским Павлом Юрьевым, ехавшим на управление подмосковной вотчиной архиерея селом Городищем [1, кн. 37, л. 86 об.–87]. О работавших в Москве своих стряпчих, хлопотавших об архиерейских делах в приказах [10, с. 139–150], владыка также не забывал, регулярно посылая им иконы.

Кн. 37 расширяет сведения о составе местной администрации Вологды в 1647–1663 гг. – регулярно сменяемых воеводах, дьяках, земских целовальниках, головах и подьячих таможенной избы, губных старостах [1, кн. 37, л. 84 об., 91 об., 93, 100 об., 101, 110, 114]. Сделанные в кн. 37 разными писцами записи на протяжении 1647–1661 гг. доносят диалектные особенности русского языка. Обилие антропонимического и историко-географического материала в кн. 37 представляет несомненный интерес для географов и лингвистов, делает возможным междисциплинарные исследования.

Представленный в статье источник свидетельствует о глубокой традиционности Московской Руси как типа социума, в котором сферы публичного и частного не были четко отчленены, многие отношения имели не формально-юридический, институциональный, а неформально-личностный характер, обусловленный давними устоями обычного права. Укорененные принципы дара–отдара словно кровеносные сосуды пронизывали ячейки тогдашнего русского общества, воспроизводились во всем разнообразии социальных связей, взятых как по вертикали, так и по горизонтали. Это говорит о *взаимном уподоблении* государственной и церковной систем собственности-присвоения-управления.

Литература

1. ГАВО. – Ф. 512. – Оп. 1.

2. Дадькина, М.М. Кабалы Спасо-Прилуцкого монастыря второй половины XVI–XVII в. Исследование. Тексты / М.М. Дадькина. – Москва; Санкт-Петербург, 2011.

3. Дадькина, М.М. Книги раздачи старческого платья, сапог и всякой рухляди Спасо-Прилуцкого монастыря XVII века / М.М. Дадькина // Монастыри и архиерейские дворы в документах XVI–XVIII вв. / отв. ред. П.В. Седов. – Санкт-Петербург, 2015.

4. Drian, Davies. The Politics of Give and Take: Kormlenie as Service Remuneration and Generalized Exchange, 1488–1726 / Davies Drian // Culture and Identity in Muscovy, 1359–1584 / Edited by A.M. Kleimola, G.D. Lenhoff. – Moscow, 1997.

5. Енин, Г.П. Кормление церковного аппарата управления в XVI–XVII вв. и система кормлений / Г.П. Енин // Русская религиозность: проблемы изучения. – Санкт-Петербург, 2000.

6. Енин, Г.П. Раздаточные книги наследства архиепископского приказного В.Г. Данилова-Домнина (Исследование и источник) / Г.П. Енин. – Санкт-Петербург, 2009.

7. Орленко, С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII в. Правовой статус и реальное положение / С.П. Орленко. – Москва, 2004.

8. Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв.: Исследование и тексты / сост. О.Н. Адамеко, Н.В. Башнин, М.С. Черкасова. – Вологда, 2011.

9. Приходо-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома святой Софии и окладные книги церквей Вологодской епархии XVII – начала XVIII в. / сост. Н.В. Башнин. – Москва; Санкт-Петербург, 2016.

10. Седов, П.В. Подношения в московских приказах XVII в. / П.В. Седов // Отечественная история. – 1996. – № 1.

11. Седов, П.В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII в. / П.В. Седов. – Санкт-Петербург, 2008.

12. Французова, Е.Б. Иконописное дело в Вологде в первой половине XVII в. / Е.Б. Французова // Культура Европейского севера России (дооктябрьский период). Межвузов. сб. науч. тр. – Вологда, 1989.

13. Черкасова, М.С. Архивы вологодских монастырей и церквей XV–XVII вв.: Исследование и опыт реконструкции / М.С. Черкасова. – Вологда, 2012.

14. Шамина, И.Н. Приходо-расходная книга вологодского Павлова Обнорского монастыря 1694 г. / И.Н. Шамина // Вестник церковной истории. – 2013. – № 3/4 (31–32).

M.S. Cherkasova

THE NEW SOURCE FROM THE VOLOGDA BISHOP'S HOUSE ARCHIVE OF THE 17th CENTURY

In the article, the expense book ("vydatochnaya kniga") found in the State Archive of the Vologda region and pertained to the activities of Archbishop Markel (1645–1663) is described. The author defines this new source as a type of an account-book, which promotes the obtaining of new scientific knowledge, and demonstrates the importance of this source for the further study of some issues of socio-political and socio-cultural history of Russia in the 17th century.

The Bishop's House, archeography, source study, account-books, social relations.